

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Научная статья
УДК 821.161; 821.512.145
DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.15

ПОЭМА РАВИЛЯ БУХАРАЕВА «ВРЕМЯ ЦВЕТОВ» И СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ: ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ФЛОРООБРАЗОВ

Альфия Фоатовна Галимуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
alfiya_gali1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>

Аннотация. В статье впервые в компаративном ключе рассматривается творчество Равиля Бухараева и современных татарских поэтов Ильдара Юзеева, Рената Хариса, Равиля Файзуллина, Ильдияр Иксановой, Сании Ахметзяновой в аспекте художественного воплощения образов полевых и садовых цветов. В ходе исследования было выявлено, что у каждого поэта есть своя индивидуальная флористическая символика, которая отчасти восходит к традиционной культуре, а в ряде случаев связана с оригинальной трактовкой и субъективными ассоциациями. В статье выявляется связь флористики в поэме Равиля Бухараева «Время цветов» (1982) с образами дома, сада, а также с художественным осмыслением темы любви к Родине и с воспоминаниями о «малой родине».

Ключевые слова: художественный образ, татарская поэзия, образы цветов, Равиль Бухараев, поэма «Время цветов».

Благодарность. Статья написана и опубликована при финансовой поддержке РФФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами (региональный конкурс)» № 24-28-20211.

Для цитирования: Галимуллина А.Ф. Поэма Равиля Бухараева «Время цветов» и стихи современных татарских поэтов: особенности воплощения флорообразов // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 237–253. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.15>

Original article

THE POEM BY RAVIL BUKHARAEV “THE TIME OF FLOWERS” AND POEMS BY MODERN TATAR POETS: FEATURES OF THE EMBODIMENT OF FLORA IMAGES

Alfiya F. Galimullina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
alfiya_gali1000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>

Abstract. For the first time, the article examines the work of Ravil Bukharaev and modern Tatar poets Ildar Yuzeev, Renat Kharis, Ravil Fayzullin, Ilsiyyar Iksanov, Saniya Akhmetzyanova in a comparative way in the aspect of the artistic embodiment of images of field and garden flowers. The study revealed that each poet has his own individual floral symbolism, which dates back to traditional culture, and in some cases is associated with an original interpretation and subjective associations. The article reveals the connection of floristry in Ravil Bukharaev’s poem “The time of flowers” (1982) with images of a house and garden, as well as with an artistic understanding of the theme of love for the Motherland and with memories of the “small homeland”.

Keywords: artistic image, Tatar poetry, image of flowers, Ravil Bukharaev, poem “Time of flowers”.

Acknowledgment. The article was written and published with the financial support of the Russian Science Foundation and the economy of the Republic of Tatarstan within the framework of the scientific project “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research using small elementary methods (regional competition)” No. 24-28-20211.

For citation: Galimullina A.F. (2023). The poem by Ravil Bukharaev “The time of flowers” and poems by modern tatar poets: features of the embodiment of flora images. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 237–253 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.15>

© Галимуллина А.Ф., 2023

Введение. Образы цветов и цветущего сада являются одними из самых распространенных в мировой литературе с древнейших времен до наших дней. В современной татарской поэзии широко используется цветочная символика для передачи различных оттенков чувств, а также привлекается

глубоко укорененная в христианстве и исламе флоросемантика. В настоящем исследовании мы ориентировались на методологию анализа флоропоэтики художественных произведений, раскрытую на примерах русской и зарубежной литературы К.И. Шарафадиной в монографии «Селам, откройся!» [Шарафадина 2018]. Мы сопоставили специфику художественного воплощения образов цветов и цветочной символики в поэме «Время цветов» русскоязычного поэта Равиля Бухараева и в творчестве современных татарских поэтов. Несмотря на духовную близость Равиля Бухараева, Зульфата, Ильдара Юзеева, Ильсияр Иксановой, есть существенные отличия в их мироощущениях и индивидуальных стилях. Отметим, что в 2000–2024 годы творчество Р.Р. Бухараева привлекло внимание ряда литературоведов: А.А. Арзамазова, В.Р. Аминовой, А.Ф. Галимуллиной, И.А. Ерикеева, М.И. Ибрагимова, Р.Ф. Бикметова, Р.Ш. Сарчина, Э.Ф. Нагумановой, Ю.Б. Орлицкого, однако обширное наследие поэта, прозаика, философа, литературного критика еще ждет своего исследователя. В 2021 году была издана монография «Вселенная Равиля Бухараева (1951–2012). Основные темы и мотивы творчества» [Галимуллина 2021], в которой была предпринята попытка осмыслить основные мотивы поэзии и философской прозы Равиля Бухараева как единой художественной картины мира.

Литературоведы, обращаясь к творчеству Равиля Бухараева, прежде всего отмечают совершенство строфики и ритмики стихотворений, его тяготение к классическим формам стиха. Так, Ю.Б. Орлицкий, рассмотрев две «поэмы в терцинах» Р.Р. Бухараева — «День мертвых» и «Моление о чаше», замечает, что «в первом издании они были названы просто «терцинами» и представляли собой два цикла стихотворений. При этом Р.Р. Бухараев не соблюдает традиционного графического выделения отдельных терцин, а отделяет пробелами группы длиной от одной до десяти строф» [Орлицкий 2011: 50]. В центре внимания исследователей оказались также и сонеты Р.Р. Бухараева (В.Р. Аминева), причем их интересует не только форма стихотворения, но и самоидентификация лирического героя. В.Р. Аминева выявила: «в поэме Р. Бухараева “День мертвых” динамику субъектно-образных структур, соответствующих разным этапам духовного восхождения героя — от проблематизации идентичности и отделения от «я» его субститутов до выхода из мучительного жизненного тупика и обретения своего истинного «я»; описала пути самоопределения лирического героя, находящегося в диалогических отношениях как со своими двойниками, так и со сверхсубъектами особого типа — историей, страной, природой» и установила, что «исторические и литературные аллюзии и реминисценции из произведений мировой литературы выполняют идентифицирующую функцию» [Аминева 2020: 292].

Однако флоропоэтика Р.Р. Бухараева в сопоставлении с творчеством татарских писателей еще не становилась предметом специального исследования.

Основная часть. Образы цветов занимают существенное место в поэтическом мире Рауфия Бухараева в его поэзии. В частности, в поэме «Время цветов».

Поэма Р.Р. Бухараева «Время цветов» (1982) вобрала в себя все темы его творчества, ставшие лейтмотивными: философские размышления о смысле жизни, о жизни и смерти, а также темы позднего постижения родного (татарского) языка и тоски по Казани — городу, в котором он родился и вырос, хотя в это время он жил еще в Москве, в родной стране. Видимо, в это время его тоска по родине была связана с мыслями о казанском детстве, земле предков.

Показательно, что в поэме «Время цветов» Р.Р. Бухараев ощущает движение времени через смену цветов, которые сопровождают человека от рождения до самой смерти. По логике поэтической мысли, жизнь и смерть находятся в гармонии:

В последнем августовском освещенье
Разлука — звук пустой. Разлуки — нет.
Совмещены в едином ощущенье
Любовь и гибель,
Тьма и вещей свет... [Бухараев 2011: 117]¹.

Поэма начинается с символической осенней картины на кладбище как итога жизненного пути каждого человека. Ретроспективно прослеживается жизнь автобиографического героя с детства до обретения своего жизненного пути в зрелости. Бренность и конечность жизни человека гармонизируется вечной сменой рождения — смерти (увядания) — и нового возрождения цветов. Метафора часов — циферблата, обогащенная символикой цветочных образов, позволяет поэту точнее и эмоциональнее выразить свои философские размышления:

По замкнутому кругу циферблата
Не различить *сегодня* и *вчера*.

Нет в жизни воздаянья — есть расплата.
Не помни зла. Не поминай добра.

Я отмахнусь от бытовых открытий,
но бытие,
я утверждать готов,

¹ Далее в статье текст поэмы цитируется по данному изданию с указанием цитируемой страницы в круглых скобках.

суть совокупность истинных событий
в присутствии свидетелей — цветов.
Незримые в разбойной круговерти
добра и мира,

зла и суеты,
всё *время* от рождения до смерти
живые окружают жизнь *цветы* (119).

Далее поэт представляет жизнь человека в годовой смене цветов и событий:

Едва зажгутся в серпантине еле,
Как догорит *январь заезжих роз*,
Завертятся в метельной карусели
февраль колючих иглиц,
март мимоз,
апрель разрыв-травы и первоцвета,
май гиацинтов и тюльпанов, там
летит июнь купав,

начало лета
влечет *июль кувшинок* по пятам,
се — август гладиолусов, а дале
сентябрь горчайших острых астр,
затем
октябрь *георгин*,
и вот в финале
ноябрь гвоздик,
декабрь хризантем (119–120).

Поэма посвящена умершему другу «Рустему Галимову с любовью» (117), поэтому жизнеутверждающе звучит мысль о том, что и после смерти цветы помогают продлить жизнь тех, кто ушел в инобытие. Так, флоксы («где флоксами отмечен чистый миг...» (120)) становятся символом духовной жизни после физической смерти человека:

Любая радость горечью чревата,
На холм охапку флоксов положив,
скажу:
ты умер в круге циферблата,
во времени цветов еще ты жив (120).

Отметим, что поэт использует широкую символику цветка флокса, которая связана с любовью, а также со значением его греческого названия,

которое переводится на русский как «пламя» и «свет». Поэт напоминает и легенду, связанную с флоксами, ставшими цветами памяти о смелом Одиссее. По легенде, в флоксы превратились факелы, освещавшие Одиссею путь в Аид.

В поэме «Время цветов» каждый цветок ассоциируется с определенными периодами жизни главного героя. Так, образ сирени в первой главе — «Сирень» — ассоциируется с весной, детством героя, а также выражает сложность бытия:

Цветет сирень, а мне уже четыре.
В сравненье с одуванчиком она
сложна,
как представление о мире
листающего книжку пацана (123).

Сложность и нарядность сирени противопоставлены мнимой прозаичности других цветов: «*в саду ли, огороде / смородина с изнанки в серебре*», «*мать-мачеха в сырой и красной глине / цвела — средь сора, склянок и стекла...*», «*Но — солнце огуречного цветка? / Но — золотые звезды помидора, / лучистых не смыкающие уст?*» (122) — и противопоставляются нарядности сирени:

Но — куст *сирени белой*
У забора?
Желанный, влажный, белоснежный куст... (122).

Сложная и противоречивая символика сирени (символ верности, любви, дружбы, но и предвестник одиночества и т.д.), безусловно, была известна Бухараеву, поэтому он противопоставляет цветы сирени и простые, незатейливые цветы сада-огорода. Однако в ретроспективной памяти о детстве эти образы сливаются в образе сада детства, городского сада бабушки и дедушки поэта, воспетые им в прозе и стихах. Это сад как потертый рай детства:

Покуда вне сомнения и лени
Вымахивал соседский тополь в рост,
Я создал мир по образу сирени,
Но мир по сути оказался прост.

И дай мне Бог, не подлежа прощенью,
Запомнить в круге света и теней
Тот бедный сад с крапивой и *сиренью*
Недалеко от старых Плетеней... (123).

Во второй главе «Георгины» Р.Р. Бухараев проводит гуманистическую мысль о чистоте и благодати мира, воплощенного в образе цветущего палисадника:

Но как пестро за каждым палисадом
От белых, желтых, красных *георгин!*

Они привычны здесь руке и глазу,
Но убери хоть кустик от крыльца,
Исчезнет в мире равновесье сразу,
Как в сказке без счастливого конца (125).

В этой главе война как антигуманное состояние представлена через восприятие юным героем кинофильма по роману М. Шолохова «Тихий Дон»: «...и вот Григорий под казачьим стягом — / Как разрубают чучел на плацу...» (125).

Цветы георгинов как воплощение красоты и гармонии противоречат ужасам войны. В то же время красные георгины напоминают о крови, об острых клинках — в этом и проявляется единство противоположностей, отражающих противоречивость мира:

К тоске известной поводом напрасным
Осенней георгины лепестки
Отсвечивали на закате красным,
Как маленькие острые клинки.

Счастливого конца я ждал от сказки,
Как будто сброшу тяжкую вину,
Когда навек по чьей-нибудь указке
Отменит человечество войну... (126).

Третья глава «Ирис» посвящена лейтмотивной теме в творчестве Р.Р. Бухараева — теме утраты родного татарского языка и постижения его уже во взрослом возрасте:

Впервые он, загадочный, возник,
когда я —
над судьбой своей в насмешку
учил татарский — свой родной язык —
с английским и немецким вперемежку.

Он звался — ирис, Iris, между тем
Таил свое татарское названье.

Но на татарском пребывал я нем
Вблизи Казани, будто в наказанье (128).

Поэт предостерегает читателя от чрезмерного увлечения поисками скрытых смыслов в прекрасных цветах, созданных природой и Богом.

Р.Р. Бухараев обращается к авторитету Геннадия Айги, в творчестве которого доминирует цветочная символика, присущая всей чувашской поэзии, восходящей к традиционной чувашской культуре. Упоминание Айги расширяет не только интертекстуальные связи, но и флоросемантику поэмы. Поэт утверждает самоценность цветов как прекрасных созданий природы:

Да разве много думают листья
рассветных лилий островной протоки,
как вырасти, раскрыться, расцвести,
со дна реки какие выбрать соки?

Спросонья сотворила их река,
июль и облака над парусами.

...Сказал Айги,
что прелесть лепестка
в словах не описать под небесами... (126).

В поэтическом мире Бухараева соединены цветы, языки, людские судьбы:

Последние не минут времена,
пока, цветы в созвучья облекая,
как музыку, хранит их имена
родной язык Туфана и Тукая (128).

Глава «Первоцвет» также посвящена теме творчества, в ней в сопоставлении красоты, первозданности природы с нарочито неказистыми стилями проводится мысль о «невыразимом», о невозможности выражения всей красоты и неповторимости цветов как лучшего проявления бытия:

Акростихов бездельных вечера;
Омег и эпсионов закорючки.
За неимением вечного пера
Есть красный стержень шариковой ручки... (128).

Поэзия не может передать словами все оттенки цвета и движения в природе:

... И вот *иван-да-марья* зацвела
в зеленой светотени. Близко лето.
На солнце важно возится пчела
в лиловых колокольцах *первоцвета*.

Пыльца пушиста, и душист нектар
адониса.
В овраге снег оставлен.

Курится голубой прозрачный пар
над черной и сырой землей проталин.

Нескоро вечность минет, и пчела
вернется в сказку Ганса Христиана.
Ещё береза в синеве бела,
апрель-свирель, и жизнь зовут Татьяна (129).

В финале главы образы пчелы и первоцвета закольцовывают размышления поэта о творчестве, о жизни и смерти через призму вечно обновляющегося времени цветов, позволяющего смириться с гибелью одного цветка:

в мгновенье каждом вереницы лет,
как будто впрямь все искушенья новы;
спугнув пчелу,
срываю *первоцвет*,
упорно увядающий вне почвы... (131).

Образы цветов позволяют поэту затронуть в поэме различные темы, связанные с духовной жизнью человека. Безусловно, сквозной является тема любви, которая в каждой главе решается по-своему: в главах «Сирень» и «Ирис» — любовь к бабушке, к родному саду, к родине, к родному языку; в главах «Первоцвет» и «Гиацинт» — драматические взаимоотношения с возлюбленной. В образе гиацинта поэт воплотил природные свойства цветка как первоцвета, устойчивого к низким майским температурам:

— Игра воображения нелепа.
Май гиацинтов бледен, ледовит.
В природе сырость погребя и склепа.
Всеотрицанье в сумраке царит (132).

Жизнестойкость цветка ко всем невздам, его мужественный характер напоминают и о прекрасном принце Гиацинте из греческого мифа. Поэт проводит параллель между чувствами, взаимоотношениями героя с возлюбленной и переменчивостью ранней весны, которая воплощена в метафоре «раненая весна»:

В который раз
животворенья ради
паук зелёный напрядет листвы
близ озера, где разместились пряди
сугробами задушенной травы,
где в ожиданье птичьего кочевья
вокруг смолистой пасмурной сосны
красны членистоногие деревья
последней,
странной, раненой весны... (133).

Стойкость гиацинта становится немым укором людям, которые не смогли преодолеть сложности взаимоотношений, не сохранили своих чувств:

– Живой укор цветковому растенью
любому – *гиацинт*. Как ни крути,
всю жизнь я говорю с твоею тенью,
хотя сама ты рядом – во плоти (132).

Взаимоотношения возлюбленных передаются пунктирно, намеками, однако эти фразы проникнуты поздним покаянием героя, ощущением обреченности, невозможностью вернуть прежние чувства:

Спрошу я: может быть, еще не поздно?
Отвечу: в жизни воздаянья нет.

Вся суть любви – в одной суровой фразе:
«Не помни зла – не поминай добра» (132).

Метафорическим символом окончательного разрыва отношений становятся гиацинты в разбитой вазе: «*И вечны гиацинты в низкой вазе, / что разлетелась вдребезги вчера...*» (133).

Финальная глава «Флоксы» возвращает героя на кладбище к могиле друга, однако уже последняя глава поэмы звучит по-философски спокойно и умиротворенно, в ней нет горечи утраты, потому что ретроспективное

обозрение жизни от детства до зрелости, представленное в цветочной об-разности предыдущих глав, если и не примиряет с утратой близкого че-ловека, то позволяет герою поэмы принять ее:

... И снова флоксы. Август на исходе,
как желтый лист над кладбищем летит...
Совсем ты не исчез. Ты есть в природе,
ты выбрал *бытие*. И смерть простит.

Теперь ты всюду.
В листьях, в свете неба,
в траве: да видит каждый, кто не слеп!
Тебе порою не хватало хлеба,
теперь ты претворен в вино и хлеб (134).

Идея поэмы – в любви и дружбе нет разлуки, в вечном кругообороте бытия всё временно и преходяще, поэтому необходимо принимать жизнь во всей ее сложности, в разноцветье цветов. Таким образом, цветочная символика позволяет Р.Р. Бухараеву создать свою мифологию, которая, с одной стороны, идет от традиционной символики цветов, с другой – придает им свои оригинальные значения, наделяя их субъективной авторской символикой (соединяет ирис с родным языком, гиацинт с разры-вом отношений, флоксы со смертью друга и т. д.). Показательно, что даже дату создания автор дает через цветочные образы: 1982 год (время астр и время георгин), таким образом, вынося цветочную символику поэмы за ее пределы.

Перефразируя известную мысль, что жизнь – это миг между рождением и смертью, поэт создает свой метафорический образ времени:

Не ведаю пока ни дня, ни часа
возврата в мир деревьев и кустов.
С Медового до Яблочного Спаса
один лишь миг во времени цветов.

Будь проклята вовек любая клятва,
но в осени прощанья голубой
так ощущаю жизнь, как будто завтра
пребуду почвой, небом и травой! (134)

В творчестве Бухараева происходит умножение и трансформация сим-волических смыслов и семантики цветов, которые тесно связываются с биографическим мифом, позволяют метафорически передать чувства героя.

Если в поэзии Р. Бухараева преобладают образы смородины, сирени, ирисов, которые тесно связаны со сквозными темами любви к родине, Казани, воспоминаниями о бабушке и ее саде, с мотивом утраты родного языка, то у современных татарских поэтов чаще всего родина ассоциируется с образами неприметных полевых цветов. Так, в стихотворениях И. Юзеева образ матери связан с цветами душицы: *«Әйтегезче миңа, мәтрүшкәләр, / Ни әйтергә әңкәм теләгән? // Мәтрүшкәләр мине уяттылар / Сискәндереп гамьсез төннәрдән: “Мәтрүшкәләр кебек кибарсез сез / Өзелсәгез туган җирләрдән”»* (Скажите ж мне, цветы душицы, / что хотела сказать мне моя мамочка. / Цветы душицы меня разбудили, / вострепенув в беспечной ночи: «Так же, как и цветы душицы, засохнете, / оторвавшись от родных земель») (Здесь и далее подстрочный перевод мой. – А.Г.) [Юзеев 1982, 118].

С образом родины тесно связан образ картофельного цветка. Так, в стихотворении «Бәрәңге чәчәге» («Цветок картофеля») И. Юзеев описывает цветок картофеля как очень скромный и незаметный, но именно он снится в первую же ночь вдали от родины, потому что он более, чем другие цветы, становится символом родины, родного дома, родной земли:

«Күзгә дә күрәнмәс / Иң тыйнак бер чәчәк / Беренче төнне үк / Төшеңә керәчәк. / Бәрәңге чәчәге — / Хыялда тирбәлә. / Куз яше аркылы / Әйталмый ир бала.. / Сызыла күңелен, / Тойгыңны тый, яшер. / Бәрәңге чәчәге, / Туган җир, өй, нәсел...» (Неприметен на вид / Очень скромный цветок / в первую же ночь / он приснится тебе. / Картофельный цветок — / убаюкивает в мечтах / И сквозь слезы, / юноша, не выразишь в словах / как ноет душа / усмири свои чувства, спрячь их / Картофельный цветок / Родная земля / дом, родословная...) [Юзеев 1982, 63].

Ассоциативная связь образа крапивы с родиной и родным домом прослеживается и в творчестве Зульфата в стихотворении «Кендегән каны» (Кровь пуповины). В нем поэт сокрушается, что многие покидают отчий дом, поэтому вместо садовых цветов на месте отчего дома («нигез») появляется крапива. Поэт использует метафорический образ «ожог крапивы», характеризуя грустные размышления о покинутых родных домах и родных деревнях, на месте которых растет крапива: *«Жир кычытканы! // Ни үсемлек биек, бөек / Кычыткан чаклы? / Шундый уй килде ... / Әйтерсең / Кычыткан чакты! // ... Уйлар да ташлар бу уен / Ташландык балаң, / Ташландык ил, ташландык җир, / Ташландык заман! // Күз алдына килә шомлык, / Куркынып куям: / Салкын бушыкта оча / Жир — / Ташландык оя...»* (Земляная крапива! / Какое еще растение такое же высокое, как крапива? / Такая мысль пришла на ум... / Как будто крапивой обожгла! / Мысли и камни — эта мысль / Зброшенная калина, / Зброшенная страна, зброшенная земля, / Зброшенный век! // Перед глазами встает пугающая/ тревожная картина: / В холодной пустоте летит / Земля — /

Заброшенное гнездо!) [Зелфэт: 71–72]. В стихотворении татарского поэта пространство расширяется, начиная от отчего дома до просторов Вселенной, всё превращается в заброшенное гнездо.

В поэзии Ильсияр Иксановой родину напоминают рябина, сирень и одуванчики в стихотворении «Тузганак» («Одуванчик») [Иксанова 2018, 35]. Одуванчик привлекает поэтессу красотой и стойкостью, он первым встречает весну ярким желтым нарядом, а ветки сирени напоминают о лете и согревают душу лирической героини в стихотворении «Кышкы кәнәферләр» (Зимние сирени) [Там же: 15].

Заключение. Подводя итоги нашего исследования, отметим, что его основой является системный подход, который позволяет применять к изучению татарской литературы историко-функциональный, историко-генетический, сравнительно-типологический, семиотический, герменевтический и рецептивный методы. В статье доминирует междисциплинарный подход, позволяющий при использовании данных философских, литературоведческих, лингвистических, методических и исторических исследований адекватно определить современное состояние татарской литературы и литературоведения в контексте литератур и культур не только России, но и всего мира.

На выбор методов нашего исследования оказали влияние межкультурные подходы, результативность которых выявлена в ряде российских и зарубежных исследований.

В исследовании современной татарской литературы важной представляется проблема преемственности с литературой предшествующих эпох. Поэтому нами были изучены труды по теории литературы, посвященные осмыслению понятия «литературная традиция» (Г.Д. Гачев, В.И. Тюпа, Ю.Н. Тынянов, В.Е. Хализев и др.), работы литературоведов, рассматривающих проблемы проявления взаимосвязей русской и зарубежной литератур (М.П. Алексеев, А.Н. Веселовский, М.Л. Гаспаров, Ю.М. Лотман, Ю. Кристева, Э.Г. Нигматуллин, Ю.Г. Нигматуллина, В.И. Тюпа, И.О. Шайтанов и др.)¹.

На рубеже XX–XXI веков активизировалось изучение литератур народов России в контексте диалога культур, идей транскультурной модели художественного развития в современной русскоязычной литературе, создаваемой писателями России и ближнего зарубежья (В.Р. Аминова,

---

¹ Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 110–121; Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литературы. Казань, 1997; Тюпа В.И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М., 2018; Шайтанов И.О. Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М., 2010.

А.Л. Арефьева, У.М. Бахтикиреева, М. Гусейнова, Ш. Ибраев, Ч.К. Ламажаа, А.И. Смирнова, К.К. Султанов и др.)¹. В статьях и монографиях обзорного характера, исследующих взаимодействие литератур народов России с литературами, составляющими советское культурное пространство, и русской литературой как катализатора процессов художественного самовыражения в других литературах, хранительницы духовных ценностей как русского, так и других народов России (А.А. Арзамазов, Р.З. Хайруллин, Т.И. Зайцева, Н.А. Федосеева, Я.Г. Сафиуллин, К.К. Султанов; «Национальные литературы на современном этапе» (2018), «Литература финно-угорских народов России» (2022), «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности» (2014), «Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья» (2018)).

Основой изучения художественных произведений современной татарской литературы и проведенного нами исследования стали труды современных литературоведов Г.Р. Гайнуллиной, Ф.Г. Галимуллина, Д.Ф. Загидуллиной, А.М. Закирзянова, М.И. Ибрагимова, Л.И. Мингазовой, К.М. Миннуллина, Ю.Г. Нигматуллиной, Э.Ф. Нагумановой, Я.Г. Сафиуллина, Ф.С. Сафиуллиной, М.М. Хабутдиновой, Р.Х. Шарьяфетдинова, в которых рассматриваются вопросы поэтики современной татарской литературы, ее ведущих тем, мотивов, возможных литературных взаимосвязей с литературами России, Востока и Запада. Следует отметить, что в изучении истории и поэтики татарской литературы в сопоставительном аспекте существует множество нерешенных проблем. По существу, многие исследователи осознают необходимость изучения истории и теории татарской литературы с древних веков до наших дней с применением современных методов исследования. О множественности подходов в исследованиях татарской литературы во взаимодействии с другими литературами, а также

¹ *Arefiev A.L., Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P.* Bilingualism in language education in secondary schools of the republic of Tuva [Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва] // *New Research of Tuva*. 2021. С. 255–272; *Бахтикиреева У.М., Темиргазина З.К.* Многоликий феникс: вопросы витальности шаманизма у тюркских народов // *Turkic Studies Journal*. Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Т. 4. 2022. С. 7–24; *Гусейнова М.* Языковые контакты азербайджанского и казахского тюркских языков (на основе Творчества азербайджанского диалектолога, академика Мамедаги Ширалиева) // Там же. 2019. Т. 2. № 1. С. 41–59; *Ибраев Ш.* Тюркология: научная парадигма и междисциплинарный характер // Там же. 2019. № 2. Т. 1. С. 41–59; *Ламажаа Ч.К., Бахтикиреева У.М.* «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // *Новые исследования Тувы*. Ламажаа Чимиза Кудерооловна. 2022. С. 266–275; *Смирнова А.И.* Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста // *Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2023. № 1 (49). С. 7–19.; *Султанов К.К.* К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России // *STEPHANOS*. 2015. № 2.

о теоретических проблемах, возникающих в связи с одновременным существованием арабской, европейской, русской и татарской по своим основам терминологии, пишет М.И. Ибрагимов: «литературоведческий курс является одним из источников для изучения национальной идентичности литератур. <...> Сосуществование в татарской литературоведческой терминологии терминов различного происхождения (арабских, европейских, русских, татарских) характеризует татарскую литературу как развивающуюся на пересечении литератур» [Ибрагимов 2019: 235].

Выводы. В сопоставительном анализе поэмы Р.Р. Бухараева «Время цветов» с произведениями современных татарских поэтов Ильдара Юзева, Рената Хариса, Равиля Файзуллина, Ильсияр Иксановой, Сании Ахметзяновой в аспекте художественного воплощения образов полевых и садовых цветов выявлено, что у каждого поэта есть индивидуальная флористическая символика, которая отчасти восходит к традиционной культуре, а в ряде случаев связана с оригинальной трактовкой и субъективными ассоциациями. Мы впервые определили, что флористика в поэме Равиля Бухараева «Время цветов» (1982) тесно связана с образами дома, сада, а также с художественным осмыслением темы любви к Родине и воспоминаниями о «малой родине». Семантика образов цветов в поэме Р.Р. Бухараева соответствует внутреннему миру героя. Природа этого соответствия сложна и неоднозначна. В творчестве Бухараева нет прямого влияния и заимствования из русской, зарубежной и татарской классической поэзии, однако сходство проявляется на уровне лейтмотивов, культурных кодов, а с современной татарской литературой в его творчестве выстраиваются интертекстуальные связи или наблюдаются типологические схождения.

Источники

Бухараев Р.Р. Время цветов // Бухараев Р.Р. Избранные произведения: Книга поэм. Казань: Магариф – Вакыт, 2011. С. 117–134.

Зөлфәт. Йөрәгемне былбыл чакты [Зульфат. Мое сердце трепетало]. Казан: Рухият нәшр., 1999. 416 б.

Иксанова И.В. Гомер сүрәте: шигырьләр [Картина жизни: стихи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 223 б.

Юзеев И.Г. Мәхәббәт китабы. Шигырьләр, жырлар, поэмалар. «Шигырь китапханәсе» сериясе [Книга любви. Стихи, песни, поэмы. Серия «Библиотека поэзии»]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 352 б.

Литература

Галимуллина А.Ф. Вселенная Равиля Бухараева (1951–2012). Основные темы и мотивы творчества: монография. Казань: РИЦ «Школа», 2021. 228 с.

Ибрагимов М.И., Галимзянова Э.М. Дискурс идентичности в теоретических трудах татарских литературоведов начала XX века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 2. С. 228–238.

Орлицкий Ю.Б. Новый русский сонет // Стихосложение новейшей русской поэзии. М.: Издат. дом ЯСК, 2020. С. 295–306.

Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.

Amineva Venera R. R. Bukharaev's poem Day of the Dead: Ways of self-identification of a Lyrical Subject [Поэма Р. Бухараева «Моление о Чаше» как транскультурный текст] // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. Philological sciences—scientific essays of higher education*. 2020. Is. 6. P. 292–299.

References

Istochniki

Buharaev R.R. (2011). *Vremya cvetov* [Time of flowers]. In: Buharaev R.R. *Izbrannyye proizvedeniya: Kniga poem*. Kazan': Magarif – Vakyt. Pp. 117–134. (In Russ.).

Zölfət (1999). *Jəragemne bylbyl chakty* [My heart was fluttering]. Kazan: Ruhıyat nəshr. 416 p. (In Tatar).

Iksanova I.V. (2018). *Gomer syrəte: shıgyr'lər* [Picture of life: poems]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. 223 p. (In Tatar).

Yuzeev I.G. (1982). *Məhəbbət kitabı. Shıgyr'lər, ǰyrlar, poemalar* [Book of love. Poems, songs, poems]. Kazan: Tatar. kit. nəshr. 352 p. (In Tatar).

Literatura

Galimullina A.F. (2021). *Vselennaya Ravilya Buharaeva (1951–2012). Osnovnyye temy i motivy tvorchestva: monografiya* [The Universe of Ravil Bukharaev (1951–2012). Main themes and motives of creativity: monograph]. Kazan': RIC “SHkola”. 228 p. (In Russ.).

Ibragimov M.I., Galimzyanova E.M. (2019). *Diskurs identichnosti v teoreticheskikh trudakh tatarskikh literaturovedov nachala XX veka* [Discourse of identity in the theoretical works of Tatar literary scholars of the early 20th century]. In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. Vol. 16. № 2. Pp. 228–238. (In Russ.).

Orlickij Yu.B. (2020). *Novyj russkij sonnet* [New Russian sonnet]. In: *Stihoslozhenie novejshej russkoj poezii*. Moscow: YASK. Pp. 295–306. (In Russ.).

Sharafadina K.I. (2018). “*Selam, ot krojsya!*” *Floropoetika v obraznom yazyke russkoj i zarubezhnoj literatury* [“Selam, open up!” Floropoetics in the figurative

language of Russian and foreign literature]. Sanct-Peterburg: Nestor-Istoriya. 544 p. (In Russ.).

Amineva Venera R. (2020). R. Bukharaev's poem Day of the Dead: Ways of self-identification of a Lyrical Subject. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. Philological sciences-scientific essays of higher education. Is. 6. Pp. 292–299.

Сведения об авторе

Галимуллина Альфия Фоатовна – доктор педагогических наук; профессор; Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт филологии и межкультурной коммуникации; кафедра русской литературы и методики ее преподавания; профессор; научные интересы: история русской литературы XVIII в., литературная критика, литературное краеведение, сравнительная и сопоставительная филология, русско-татарские взаимосвязи, детская литература, художественный перевод, методика преподавания литературы.

Information about the author

Alfia F. Galimullina – Doctor of Pedagogy; Professor; Kazan Federal University; Department of Russian Literature and Methods of its Teaching; Professor; scientific interests: history of Russian literature of the 18th century, literary criticism, literary local history, comparative and comparative philology, Russian-Tatar relationships, children's literature, literary translation, methods of teaching literature.